

— Как так? — Чу Юй слегка удивился, затем его глаза смягчились, губы, только что съевшие что-то сладкое или жирное, поцеловали Сун Цзиньчэня в щёку, оставив круглый след. — Значит, ты всё-таки лучше всех.

Чу Юй поставил телефон на крышку унитаза, продолжая раздеваться и болтать:

— Я думал, ты сегодня на работе, почему дома? Знаешь, сегодня просто адская жара.

— Кондиционера нет?

— Он старый, плохо охлаждает.

— Судя по твоим словам, ты присмотрел мой кондиционер?

— Что? Что-то со связью?

Чу Юй с трудом снял джинсы, аккуратно сложил их на крышке унитаза, когда снимал трусы, возможно, пот прилип к ране, он зашипел и застонал.

— Я же говорил тебе, не носи такие узкие штаны.

Чу Юй поставил одну ногу на крышку унитаза, пощупал зудящую и болезненную внутреннюю часть бедра.

— Вот здесь, с обеих сторон... что это такое! Много маленьких прыщиков! — лицо Чу Юя изменилось. — Я что, заболел? Но я же не... это ты! Ты с кем-то там шляешься!

Сун Цзиньчэнь на другом конце провода схватился за голову:

— Они красные, маленькие, целыми участками?

— Да!

— Они стали беспокоить после того, как ты вспотел?

— Да!

— Это потница.

Весь день не было клиентов, хозяйка несколько раз дремала и проснулась, до шести не дотянув, отпустила Чу Юя пораньше и закрыла магазин.

Чу Юй помылся, переоделся в свободные шорты, но как только сел на мотоцикл, снова почувствовал боль. К счастью, у него в сумке были маленькие прокладки, он приклеил их на внутренний шов шорт, и стало чуть легче.

Резиденция Сун находилась в юго-восточной части Хунши, и, кажется, здесь всегда темнело раньше, чем в других местах. К счастью, было темно, иначе его гримаса боли на ветру вызвала бы смех.

В гараже Чу Юй с трудом нажал на педаль, слез с мотоцикла и, расставив ноги, подошёл к двери, чтобы открыть её с помощью отпечатка пальца.

Сун Цзиньчэнь был на кухне, взбивал яйца, увидев, как Чу Юй согнулся, чуть ли не с палкой, входя в дом, дрожащим голосом спросил:

— А где тётушка Чжоу?

— У неё дела, она уехала в Шанхай.

Чу Юй с облегчением кивнул, быстро снял шорты и бросил их на плечо, босиком побежал вверх.

— Куда? Скоро ужин.

— В душ.

Яйца, попав на сковороду, сразу свернулись золотистыми волнами, после застывания их разломали лопаткой на кусочки, добавили помидоры, выжали сок, посолили и обжарили, затем выложили на тарелку.

Накрыв тарелку другой, чтобы сохранить тепло, Сун Цзиньчэнь вытер руки и поднялся вверх.

Чу Юй вытирал волосы, расставив ноги, как краб.

Сун Цзиньчэнь на секунду замер, затем рассмеялся:

— Ты что, краб? Иди сюда, нанесу лекарство, и боль пройдёт.

Чу Юй бросился на кровать, он не носил шорты и сандалии, его тонкие ноги и ступни были ослепительно белыми, только на лодыжках были две тёмные полосы, явно указывающие на то, что это место удобно для захвата.

— Персиковая вода, — Чу Юй взял розовую бутылочку. — Эй? Для детей? Это для малышек!

— Дай сюда, — Сун Цзиньчэнь взял бутылочку, встряхнул, чтобы смешать порошок с жидкостью, открыл, намотал ватный тампон и, оттянув одну ногу Чу Юя, нанёс лекарство на пах. — А что, ты не ребёнок?

— Я взрослый!

Сун Цзиньчэнь усмехнулся, аккуратно нанося лекарство на покраснения, между делом спросил:

— Слышал о цинковой пастели? Её в аптеке не было, только в импортном отделе это было, но это почти одно и то же. Все китайские дети мажут этим от потницы, твоя мама тебе не мазала в детстве?

Чу Юй лёг, играя с волосами:

— Нет, после двух лет я её не видел, а раньше не помню.

Нет матери, вот и ничего не знает. Сун Цзиньчэнь незаметно нанёс лекарство, затем открыл ещё одну маленькую коробочку:

— Раздвинь ноги.

— Зачем? — Чу Юй насторожился, неправильно поняв. — Я же в таком состоянии!

Сун Цзиньчэнь потряс коробочку:

— Пудра от потницы.

Розовая жидкость на внутренней стороне бедра уже почти высохла, как будто кто-то случайно размазал её по коже, Сун Цзиньчэнь наклонился близко, взял пудру и нанёс её на ягодицы, бедра, пах, не забыв и про пенис.

Лицо Чу Юя тоже стало розовым, с этого угла казалось, что Сун Цзиньчэнь наклоняется, чтобы сделать ему минет. Закончив с лекарством, Чу Юй встал на пол, сделал шаг, и от его бёдер поднялось облачко пудры, каждый шаг сопровождался ароматом. Сун Цзиньчэнь развернул коробку на столе, вынул кусок белой ткани, обернул её вокруг талии Чу Юя — это была очень короткая пышная юбка, длина которой едва закрывала бедра, из-за лёгкости материала, при малейшем наклоне ягодицы полностью обнажались.

— Сначала надень это, чтобы штаны не стёрли лекарство.

Чу Юй изо всех сил тянул край юбки, но пояс, затянутый до предела, не поддавался:

— Где ты купил такую штуку... Я же парень...

— Никого нет, только я вижу, — Сун Цзиньчэнь снял пижаму Чу Юя, завязал переднюю часть юбки вокруг шеи. — Просто надень для меня.

Он посмотрел на Чу Юя, добавил:

— Красиво.

Чу Юй смутился, поколебался, затем кивнул, позволив Сун Цзиньчэню надеть и чулки из коробки. Они тоже были белыми, но на верхней части были две кружевные ленты, соединённые с странным кольцом, которое тянулось до талии, скрываясь под юбкой.

Сун Цзиньчэнь поднял одну ногу Чу Юя, положил её на колено, завязал бантик на ленте за лодыжкой, затем сделал то же самое с другой ногой, и повёл его вниз ужинать.

Только что поужинав, Чу Юй побежал за мороженым. Сун Цзиньчэнь поставил тарелки в посудомоечную машину, Чу Юй, облизывая рожок, прислонился к перегородке, наблюдая за ним, его ноги в белых чулках были прямыми и тонкими, а ленты на бёдрах оставляли следы на мягкой коже.

— Только что поел горячее, а уже мороженое, живот заболит.

Чу Юй тихо хмыкнул, играя пальцами с кружевными подвязками на задней части бедра, раздался лёгкий щелчок, он сказал:

— Когда тётушка Чжоу вернётся?

— Что? Мой ужин не понравился?

Чу Юй поднял рожок, слизал мороженое, стекающее на пальцы, покачал головой:

— Просто спросил, не будь таким обидчивым, хорошо?

Тётушка Чжоу была из Шанхая, «не будь таким обидчивым» и «хорошо?» были её любимыми выражениями, которые Чу Юй перенял. Чу Юй был уроженцем Хунши, хотя в мегаполисе все говорят на путунхуа, местные жители всё ещё сохраняют мягкий южный акцент.

Сун Цзиньчэнь подошёл, взял Чу Юя за щёки четырьмя пальцами:

— Тогда и ты не будь таким обидчивым, хорошо?

Чу Юй, в отличие от других парней, у которых под скулами была тонкая кожа, имел мягкие щёки, которые при сжатии искажали его губы, он невнятно спросил:

— Завтра?

— Завтра я начинаю отпуск, останься дома со мной.

— Но как же, — Чу Юй вырвался, потирая щёки. — Мне нужно работать.

— Если нужны деньги, возьми из ящика в кабинете, сколько ты заработаешь за день мойки машин?

Чу Юй замер:

— Откуда ты знаешь, чем я занимаюсь? Я тебе не говорил.

Сун Цзиньчэнь приподнял бровь, вернулся к уборке на кухне:

— Ты каждый день пахнешь средством для мойки, догадаться несложно.

— Зачем мучиться в такую жару? Останься дома со мной, разве плохо? — он опустил голову, его взгляд стал необычно мягким. — Если дома скучно, поедем куда-нибудь в прохладное место.

Но Чу Юй, глядя вниз, только облизывал мороженое, которое уже начало таять, затем, с досадой слизав последний кусочек, подошёл к мусорному ведру за спиной Сун Цзиньчэня, нажал на крышку и выбросил рожок.

— Это другое, — тихо, но упрямо сказал Чу Юй.

На втором этаже была более уютная гостиная, из-за меньшего размера телевизор был меньше, чем на первом этаже.

<http://bllate.org/book/15448/1370474>